Автор: Оргкомитет
06.04.2020 04:00

Автор - Елена Уварова, Москва (Россия).

Мы повстречались в N-ске

Мы повстречались в N-ске, где мир отчаян,
где каждый первый жаждет в Москву отчалить,
но до неё пара тысяч холодных вёрст.
Ветер кусал нам щёки, царапал руки,
лез под пальто и тыкался мордой в угги,
выл, словно псина, и всюду совал свой нос.
Были дома расписаны, как шкатулки,
тропы вели в пустынные переулки,
плакало небо и скупо цедило свет.
Ты говорил, что наши следы сотрутся,
нас не отыщет время, поскольку улиц,
да и, пожалуй, N-ска на картах нет.

Чтобы взлететь, а после упасть и сбрендить,
мы согревали зиму палёным бренди,
вязли в офлайне, привычно забыв про сеть.

Мы не боялись взглядов и пересудов
местных святых, в которых не спят иуды,
тех, что любили из окон на нас глазеть.
Это казалось странным, пустым, и только.

Нас прошивало нитью калёной, тонкой.
Ты говорил, что прорвёмся, но не сейчас.
Пеплом стелился «Винстон», сходились тучи.
Шли второпях часы, и на всякий случай
мы целовались неистово... про запас.

Трясина

Она приходила к нему по ночам,
в квартиру, где залежи пепла,
и лампа на кухоньке, будто свеча,
тревожно моргала и слепла,
где ёж из окурков, в салатнице – мёд,
а в рамке цитата на синем:
«Трясина заманит, сожмёт, засосёт.
Любовь – это та же трясина».
Ей не было страшно (лихая душа),
ему было как-то до фени.
Он плавился, если она не спеша
садилась к нему на колени.
Плевали они на этический ГОСТ,
дурили всерьёз, без страховки.
Он ей говорил: «На конечной – погост,
мы спрыгнем за две остановки».
И время от них ускользало в ночи,
трезвея, стонало невнятно.

Он утром на сумочку клал ей ключи,
она возвращала обратно.

Мирная держава

Школьный класс, стеллаж – перегородкой,
три окна на юг обращены.
Военрук с квадратным подбородком
говорит о принципах войны.
Бред несёт! Мы – мирная держава.

За окном белеет гастроном:
«Пепси» нет, зато пылится «Ява»,
и портвейна с вермутом полно.

Слева видно краешек больницы
(мы там летом тырим инвентарь).

Военрук цензурно матерится,
пополняя далевский словарь.
Не дорос по службе до комбата,
добродушен, тучен, мешковат,
то хохмит, то смотрит виновато,
теребя потёртый самиздат.

Мы кричим, но он не слышит крика,
как Бетховен, старый и глухой.
Юлька спит, лицом уткнувшись в книгу:
до утра якшалась с гопотой.

Смех вокруг, ведь жизнь, как грипп, заразна,
от того все счастливы вполне.
Миру – мир! Мы думаем о разном,
не желая думать о войне.